

БИОГРАФИКА

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-112-129

УДК 821.161.1

Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора российской словесности»

А.И. Рейтблат, В.А. Шкерин

Аннотация: В статье впервые излагается биография и дается характеристика творчества писателя Феоктиста Андреевича Улегова (1803–1830), бывшего крепостного уральских заводчиков Демидовых. Его книга «Гостинный двор российской словесности» (1830), содержащая памфлетное аллегорическое (в форме сна) изображение современных русских журналистики, литературы, исторической науки и философии, вызвала в свое время шумный скандал и обсуждение в печати.

Ключевые слова: русская литература первой трети XIX в., Ф.А. Улегов, С.Д. Нечаев, Н.А. Полевой, Демидовы, горнозаводской Урал.

Информация об авторах:

Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Владимир Анатольевич Шкерин, докт. ист. наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия. E-mail: shkerin_uit@mail.ru

Цитирование: *Рейтблат А.И., Шкерин В.А.* Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора российской словесности» // Литературный факт. 2018. № 8. С. 112–129

На карте русской литературы герой этой статьи, Феокист Улегов, практически незаметен, его имени нет ни в одном биографическом справочнике. Максимум, что можно найти, это справка в указателе имен «Сочинений» А.А. Дельвига (Л., 1986), подготовленных выдающимся знатоком пушкинской эпохи В.А. Вацуро. И звучит она так: «Улегов Феокист Андреевич, поэт-самоучка». Немного лучше обстоит дело в исторической науке, где его имя несколько раз упоминалось в связи с историей демидовских заводов¹. Однако и там биография Улегова почти не освещена. В то же время и по своей очень необычно сложившейся жизни, и по весьма специфическому по направленности творчеству он заслуживает исследовательского внимания. В настоящей статье впервые делается попытка дать жизнеописание и характеристику произведений этого литератора.

Феокист Андреевич Улегов родился в 1803 г. в крепостной семье в Нижнетагильском горнозаводском округе, принадлежавшем уральским магнатам Демидовым. Отец его был портным при заводе. По свидетельству экономиста В.Д. Белова (происходившего из династии тагильских заводских служителей) «уральские заводы готовили у себя [...] все до последнего гвоздя»: «канаты и сальные свечи для рудников», «обувь рабочим», писчую бумагу, фаянсовые чернильницы и пр.² Пошив рабочей одежды также входил в число вспомогательных отраслей тагильского хозяйства³. Но авторитет Андрея Улегова строился скорее не на профессиональной, а духовной основе: правительственный агент С.Д. Нечаев называл его наставником здешней общины старообрядцев-поморцев и характеризовал как одного из «наиболее ревностных» ее представителей⁴. Старообрядцы — как поморцы, так и беглопоповцы — составляли на демидовских заводах многочисленные и влиятельные сообщества. Еще в 1760-х гг. Н.А. Демидов констатировал, что «ис прикащиков и служителей ревнителй церкви Божии нет, а все уклонились [...] во общество с раскольниками»⁵. При ужесточении конфессиональной политики во второй четверти XIX в. тагильские старoverы пи-

¹ См., например: *Виргинский В.С.* Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М., 1986. С. 70; *Мосин А.Г.* П.Н. Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. Екатеринбург, 1997. Вып. 3. С. 35; *Шкерин В.А.* От тайного общества до Святейшего синода: декабрист С.Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005. С. 187–193, 218–219, 253–260, 265–266.

² *Белов В.Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 27.

³ См.: *Гуськова Т.К.* Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск, 1995. С. 63.

⁴ *Нечаев С.Д.* Дневник // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 833; РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 301 об.

⁵ Цит. по: *Павловский Н.Г.* Демидовы и старообрядцы в XVIII веке // Демидовский временник: Ист. альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 60.

сали о себе с достоинством: «Мы, стародавние жители [...] заводов [...], местному начальству повинемся и всякие возлагаемые на нас заводские повинности в работах со успешностию исправляем, а что касается до веры нашей [...], то сия душевная принадлежность есть единого Бога»⁶.

Начиная с 10-летнего возраста, Феокист «находился в поденных работах на железном руднике при отборке под завалами железорудного щебню»⁷. Очевидно, Андрей Улегов желал, чтобы сын унаследовал его место в поморской иерархии, да и в заводской поднялся повыше. И то, и другое предполагало некоторую образованность. Читать Феокист научился в семье в раннем детстве. Он был очень религиозен и в молодости содействовал распространению этого толка старообрядчества. В 1816 г. 15-тилетний Феокист был отправлен в Екатеринбург, где частным образом изучал грамматику, риторiku, поэзию, латынь и священную историю. Учителем его был выпускник Пермской семинарии Авраамий Оглоблин⁸. Он к 1818 г. и приобщил Феокиста (как и другого ученика из поморцев — екатеринбургского купца Василия Клюквина) к официальному православию⁹. Позднее отец Авраамий продолжил миссионерские труды, настаивая, что путь раскольников к истинной вере лежит через просвещение (для которого составил «Список духовных книг, нужных при всякой церкви»¹⁰), и вызывая многочисленные ответные жалобы старообрядцев¹¹.

В 1819 г. 16-тилетний Феокист Улегов вернулся в Нижнетагильский завод и вновь попал на рудник. Тогда же он женился на Авдотье Сергеевне Шарыбиной. О возникших новых сложных отношениях с отцом можно лишь догадываться. Вероятно, не случайно Ф. Улегов позднее поведал Нечаеву о судьбе тагильского углепоставщика Афанасия Ортюгина, который, уже живя «своим домом», осмелился перейти из поповства в лоно господствующей церкви. Узнав об этом, отец и братья решили «артельно его изувечить» и даже «засечь [...]

⁶ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 43. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 291 об. — 292.

⁷ Показания Ф. Улегова 1823 г. // РГИА. Ф. 1582. Оп. 2. Ед. хр. 2571. Л. 195.

⁸ См. о нем: Пермская духовная семинария. Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. Издание священника Иакова Шестакова. Пермь, 1900. С. 6.

⁹ См.: *Нечаев С.Д.* Указ. соч. С. 581.

¹⁰ *Нечаев М.Г.* Деятельность церковных библиотек на Урале в начале XX века как социокультурный феномен // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 110.

¹¹ См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 63–64 об.; Ед. хр. 2. Л. 148–150 и др.

до смерти». Лишь побег, предпринятый молодым Ортюгиным после долгих издевательств, спас ему жизнь¹².

И все-таки расчет Андрея Улегова оказался верен: сын на руднике не задержался. Владелец Нижнетагильского округа Николай Никитич Демидов в 1806 г. учредил в поселке Выйского завода (к тому времени фактически слившегося с Нижнетагильским заводом) училище для детей заводских служащих. Работало оно из рук вон плохо и в 1819 г. не смогло прислать по требованию заводчика «одного или двух писарей [...] элементарно обученных»¹³. В этой критической ситуации в 1820 г. Петербургская контора Демидова приняла на должность главного учителя Выйского училища отставного штабс-капитана Евлампия Максимовича Мосцепанова. Учителю полагались помощники из крепостных, одним из которых стал Улегов. Уральская служба Мосцепанова продлилась всего 14 месяцев и завершилась острым конфликтом¹⁴. В литературе отмечалось, что учитель происходил «из обедневших дворян»¹⁵, противостоявшие же ему заводские служащие оставались крепостными. Однако еще прадед учителя был крестьянином, дворянство получил дед, а отец, Максим Климентович, стал архитектором¹⁶. Застав училище «в худом состоянии», Мосцепанов обвинил служащих в казнокрадстве, кумовстве и иных грехах вплоть до истязаний и убийства крепостных. Он начал борьбу с заводской администрацией (путем подачи прошений владельцам заводов, министрам и царю), стремясь облегчить положение рабочих и защитить их от жестокости и злоупотреблений приказчиков. Мосцепанов писал, в частности, министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну в 1822 г., что Улегов, «обратившийся от перекрещиванских заблуждений отца своего к православной церкви, вместо достойной похвалы, из ненависти и как бы в страх другим заключен приказчиками в подземную медной руды тяжелую работу, не свойственную ни силам, ни примерному поведению его. Он, по дарованию ума, доброте сердца, трезвости и трудолюбию, достоин занимать лучшее место. Сверх

¹² Письма Феоктиста Улегова. Из архива С.Д. Нечаева // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 502–503.

¹³ См.: Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. С. 102.

¹⁴ См.: Струнина М.Д. Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX века // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1962. № 187. С. 293–307.

¹⁵ [Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г.] Книги горного гнезда // Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 197.

¹⁶ Архитектор Мосципанов // Киевская старина. 1902. Т. 77. Апрель. Разд.: Документы, известия и заметки. С. 8–11. См. об архитекторе М.К. Мосцепанове также: Мезько-Оглоблин О. Люди Старої України та інші праці. Острого; Нью-Йорк, 2000. С. 166–172.

российской грамматики, прозаической словесности, поэзии, он изучен богословии, философии, латынскому и частию французскому языкам и арифметике, единственно по своему сильному желанию, не быв отдаваем в публичное училище»¹⁷.

Приказчики со своей стороны выдвинули против Мосцепанова обвинения в ложном доносительстве, подстрекательстве к бунту (говорилось, что Улегов «не устыдился войти в церковь, где уговаривал и склонял людей на составление и подачу просьб»¹⁸), в противоестественных связях с воспитанниками и прелюбодеянии с дочерью пономаря. По письмам Мосцепанова состоялся доклад царю, а Голицын по поводу Улегова отправил отношение министру внутренних дел В.П. Кочубею, в котором просил обратить на него особое внимание и оказать ему покровительство¹⁹.

Спор перешел в судебные инстанции, вплоть до Сената (в феврале 1824 г.). В 1825 г. контора Нижнетагильских заводов просила губернские горные власти разрешить направить Улегова в Петербург (все по той же причине нехватки грамотных людей). Пермское горное правление ответило отказом, поскольку названный «крестьянин» проходил по делу «в соучастии с отставным штабс-капитаном Мосцепановым, которое представлено на утверждение в Правительствующий Сенат»²⁰. В сентябре 1825 г. Мосцепанов был приговорен к ссылке в Сибирь с лишением чинов и дворянства, а Улегов и еще ряд крестьян — к наказанию плетью, однако по коронационному манифесту Николая I в августе 1826 г. все они были помилованы. Вопреки утверждениям о том, что Мосцепанов «в остроге скончался»²¹, он после тюремного содержания был лишь выслан с территории Пермской губернии²².

Улегов продолжил службу писцом в конторе Нижнетагильских заводов. Казалось, жизнь его вошла в прочную колею, покинуть которую уже не суждено. Но случай готовил новую встречу.

В сентябре 1826 г. для расследования деятельности старообрядцев на Урале в помощь флигель-адъютанту А.Г. Строганову был командирован чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе князе Д.В. Голицыне надворный советник

¹⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Ед. хр. 1818. Л. 114–114 об.

¹⁸ Цит. по: *Струнина М.Д.* Указ. соч. С. 298.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Ед. хр. 1819. Л. 9.

²⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 213.

²¹ *Ганьжа С.В.* Тагильская летопись XVI–XIX Нижний Тагил, 2000. С. 42.

²² См.: *Черноухов Э.А.* Дело Е.А. Мосцепанова // *Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность.* Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 247.

Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860)²³. Он состоял в Обществе любителей российской словесности и Обществе истории и древностей российских и был известен как поэт и автор статей по истории и археологии. В начале ноября в Екатеринбурге Нечаев встретился с Клюквиным, который рекомендовал ему свести знакомство с Оглоблиным и Улеговым. В записных книжках Нечаева появилась помета: «В Нижнетагильском заводе помощник полицейского, обращенный из поморцев Феоктист Улегов. Там справиться о поморском согласии и новой секте, которая крестит детей и венчает браки в нашей церкви только для гражданского порядка, но существом к нему не принадлежит»²⁴. Позже (очевидно, после знакомства) была внесена поправка: «Улегов в Главной конторе»²⁵.

Между Нечаевым и Улеговым установились доверительные отношения, Улегов взялся написать для Нечаева записки о старообрядческих толках и приобретал старообрядческие книги и рукописи.

К началу декабря Нечаев уже покинул Нижнетагильский завод, а Улегов отправил ему вослед пространное послание: «Одному только Богу известно, сколько мне приятно и усладительно было разделять с вами краткие часы нашего свидания в откровенно-занимательных разговорах. Время казалось для меня необыкновенно кратким и изменяющим моему сердечному удовольствию. [...] И вот теперь все исчезло. Осталось одно только печальное воспоминание, ободряемое лестною надеждою, что хотя чрез переписку я буду изливать пред вами мои сердечные чувства и тем дополнять недостаток личного свидания»²⁶. Письмо содержало не одни сантименты, но и первый отчет о проделанной агентурной работе: написаны «Частные мнения секты поповщинской и частные мнения перекрещенской», а также рассуждение «О причинах распространения поморской ереси и о средствах прекратить оную», скопирована «маленькая книжка с застешками о плате и о прочем», приобретена «письменная поморской секты книга, наполненная разными душепагубными лжами и бреднями»²⁷.

Староверческие сочинения покупались и копировались на средства Нечаева, он же оплачивал услуги Улегова. За полученные день-

²³ О нем см.: *Глаголева О.Е.* Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // *Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края)*. Тула, 1991. Т. 2. С. 337–342; *Вацуро В.Э.* Нечаев С.Д. // *Русские писатели 1800–1917: биографич. словарь*. М., 1999. С. 292–293; *Шкерин В.А.* Указ. соч.; *Грачева И.В.* «Путь трудной чести и добра...»: Жизнь и творчество С.Д. Нечаева. Рязань, 2009.

²⁴ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 50.

²⁶ Письма Феоктиста Улегова. С. 255–256.

²⁷ Там же. С. 256–257.

ги агент горячо благодарил патрона: «При настоящей моей бедности толь значительное пособие в домашнем состоянии составляет для меня неожиданное и почти невероятное благодеяние...»²⁸. И тут же просил впредь вести переписку через «екатеринбургских приятелей» (вероятно, того же Клюквина), так как приказчики подозревали его во «всем для них неприятном» и сердились за скрытность. Однако Нечаев вновь отвечал напрямую и даже советовал предъявить свое послание всем любопытствующим, поскольку извещал в нем о хлопотах по переводу Улегова в Москву.

Хлопоты увенчались успехом, хотя и несколько неожиданным. Письмом от 25 февраля 1827 г. Улегов сообщал Нечаеву с дороги (из прикамского городка Оханска) о важной перемене в своей судьбе: «Его превосходительство г. Николай Никитич Демидов [...] приказал здешней конторе отправить меня в Одессу, чтобы тамошний управляющий Лонгинов, взглянув на меня, отправил через Константинополь к нему в Италию. [...] Отправка моя из завода была назначена на 15-го же сего месяца, а совершилась 17-го в 2 часа пополудни»²⁹. В Москве Улегов встретился с молодым хозяином: «...я был представлен к Его Высокоблагородию г. Павлу Николаевичу Демидову, который на довольно обширных разговорах со мною, наконец, изъявил мне свое расположение и признался, что я был описан ему недоброжелателями моими самым злым, опасным, бессовестным и безбожно-пакостливейшим на свете человеком, прибавив к тому, что он теперь ничего подобного во мне не находит и подарил мне 50 р., за что я его отблагодарил стихами»³⁰. Улегов получил место одного из секретарей Н.Н. Демидова и спустя некоторое время отбыл вместе с женой во Флоренцию, где доживал отведенный ему век старший владелец Тагильских заводов. В Италии Улегов изучил итальянский и французский языки, читал и переводил с латинского.

Упоминание о стихотворной благодарности П.Н. Демидову — едва ли не первое признание Улегова в сочинительстве. Впрочем, еще 24 декабря 1826 г. он сетовал в послании тому же Нечаеву: «Милосердный Господи! Как не пожалуешься на слабость и недостаток словесности человеческой, когда не в силах она изобразить тени одной тех чувств восхищающих, которыми сердце человеческое бывает иногда изобильно наполнено! [...] Но что же делать? Не я один нуждаюсь в красноречии»³¹. Улегов прекрасно знал, к кому обраща-

²⁸ Там же. С. 261.

²⁹ Там же. С. 325.

³⁰ Там же. С. 413.

³¹ Там же. С. 260.

ется. Среди изданий, выписываемых Нижнетагильской заводской конторой, имелись журналы с публикациями стихов и «мыслей» Нечаева: «Вестник Европы» за 1816, 1821 и 1824 гг., «Сын отечества» за 1821 г.³²

Перемена судьбы придала Улегову смелости в его литературных притязаниях. В послании Нечаеву от 14 (26) января 1828 г. из Флоренции он писал: «С некоторого времени я желание сильное чувствую в свободные часы переводить или сочинять что-либо для пользы людей нравственное и полагаю, что сие желание мое исходит не от худого источника, — я хочу, чтобы маленькие отрывочки моих переводов и сочинений о разных предметах, какие придут в голову, были отпечатаны в периодических каких-нибудь изданиях в России, так чтоб под переводами поставлялось только имя оригинального автора, а под сочинениями какое-либо вымышленное, напр.: *Странник на севере* или *Пустынник в юдоли изгнания*, или иное какое, сему подобное, но не мое собственное, кое я хочу чтоб никогда и никак не было узнано публикою [...]. Поверенным сей моей тайны я желал бы избрать вас одних и по временам к вам пересылать таковые отрывки переводов и сочинений, кои прочтя, вы могли бы отсылать их к издателям для отпечатывания, сказав, что получили их от неизвестного, а в случае, если бы я когда по неопытности написал то, чего нельзя отпечатать, то вы бы могли таковые места вымарать и заменить точками...»³³. При этом по своему обычаю Улегов предлагал писать к нему тайно, через посредника — на сей раз иеромонаха Иринарха³⁴: «На скромность и скрытность сего доброго священника положиться можно... [...]. Осторожность всегда есть мать премудрости, в чем, я думаю, и вы со мной согласны»³⁵.

Нечаев ответил лишь в апреле и посоветовал оставить мысли о писательстве. Улегов благодарил за совет горячо, но (как показало недалекое будущее) неискренне: «Предприятие сочинять что-либо для печатания, по получении сего письма Вашего Высокоблагородия, совершенно я оставил [...]. За одолжение меня толь назидательными убеждениями я приношу вам искреннюю мою благодарность и утвердительнейше прошу вас на будущее время таковыми не оставлять меня»³⁶. Если бы Улегов читал публикации своего покровителя вни-

³² См.: [Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г.]. Указ. соч. С. 202; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 395. Л. 70 об., 112, 136 об.

³³ Письма Феоктиста Улегова. С. 423.

³⁴ О нем см.: *Крастелев М.* Архиепископ Иринарх (Попов): некоторые дополнения к биографическим сведениям // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 96–102.

³⁵ Письма Феоктиста Улегова. С. 422, 425.

³⁶ Там же. С. 498.

мательнее, так, возможно, не решился бы и на эту попытку. «Бесполезно рекомендовать приятеля своего за сочинителя, если слава о сочинениях его не предварила первого знакомства, точно так же, как портрет ничем не известного человека не сделаешь интереснее, написав его имя», — рассуждал Нечаев в 1824 г.³⁷

В это же время, 22 апреля (4 мая) 1828 г., скончался Н.Н. Демидов. Улегову эта смерть грозила скорым возвращением на Урал, но обернулась благом. В письме от 25 августа (6 сентября) из тосканского города Баньи-ди-Лукка он сообщал Нечаеву: «Состояние мое по смерти прежнего господина, по милости божией, не только не изменилось к худшему, но еще обратилось на лучшее. Его Высокоблагородие г. Павел Николаевич явил ко мне особое и совсем неожиданное расположение, до того простершееся, что в 6-е число августа (по русскому стилю), в день своего рождения, в знак особой ко мне милости он наградил меня отпускою [...]. Жалования мне теперь положено 1200 р. в год, кое, думаю, не убавится и в России. Я покамест нахожусь при Его Благородии вторым секретарем. Коренная же должность, как видно, назначится мне на заводах. Жена моя туда давно отправлена [...], а за нею и я вскоре туда последую»³⁸.

В ноябре Улегов планировал быть в Петербурге, где рассчитывал с помощью Нечаева оформить в гражданском суде вольную, зарегистрированную на тот момент лишь российским посольством в Тоскане. Однако у заводчика имелись свои планы на секретаря: поручить ему доставку покойного родителя в Россию. Началось «медленное следование» двух траурных карет («ехать шагом и отнюдь не рысью и не более делать 30 или 35 верст в день», — предписывал П.Н. Демидов³⁹), одна из которых везла тело, а в другой ехал Улегов с переводчиком. Все сделанные на этом пути расходы — «за караул по ночам, на починку кучерам платья, на покупку простой и почтовой бумаги и сургучу, на отправку к особе Вашего Высокоблагородия донесений, разным людям за показание дороги, на покупку жиру для колес, по покупке цепей для спуска с гор, и прочие тому подобные», всего на сумму в 8883 франка — Улегов тщательно фиксировал в шнуровой книге⁴⁰. Выехав из Флоренции 6 октября и проведя в дороге 67 дней, траурная процессия прибыла 12 декабря в Радзивилов — пограничный город Российской империи. Там печальную эстафету принял управляющий Петербургской конторы Демидовых

³⁷ С.Н. [Нечаев С.Д.] Мысли и замечания // Вестник Европы. 1824. № 6. С. 150.

³⁸ Письма Феоктиста Улегова. С. 495.

³⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 210. Л. 65 об.

⁴⁰ Там же. Л. 2–5 об.

Федор Петрович Соловьев. Улегов же, взяв с собой хозяйские ящики с иконами и бумагами, продолжил путь на перекладных. В столицу он добрался лишь к середине января 1829 г.

В Петербурге состоялась новая встреча с Нечаевым, при которой свежему вольноотпущеннику, возможно, показалось, что теперь он вправе говорить на равных с дворянином и коллежским советником. Позже, в письмах с Урала, Улегов каялся: «Прошу [...] извинить меня в том, что я очень просто говорил с вами в Петербурге, ибо простота не всегда бывает у места, особливо ныне, когда политика воцарилась повсюду и почти всегда необходима»⁴¹. И вновь он предлагал себя на роль агента: «Мне кажется, никто вернее меня не может видеть и угадывать дух раскольников, ибо, как не безвестно вашему превосходительству, я сам долго страдал сим опасным недугом»⁴². Но миссия Нечаева была завершена, и предложение едва ли могло вызвать его интерес.

18 февраля 1829 г. Улегов вступил в должность тагильского конторщика. 1 марта он и приказчик (бывший плотинный мастер и механик) Петр Степанович Макаров⁴³ прибыли в Пермь, чтобы встретить там и сопроводить в Нижний Тагил тело Н.Н. Демидова. В губернской столице посланцам пришлось «приободждать, обдумав и приготовив все нужное для печальной церемонии при проезде чрез сей город», до 12–13 марта. «В Нижнетагильские [...] заводы 26 числа в полдень прибыли благополучно, и гроб вынят из кареты и ящика невредимо и поставлен в церкви прилично убранной трауром на катафалку»⁴⁴. Скорбная эпопея завершилась упокоением Н.Н. Демидова в центре принадлежавшего ему заводского округа, который он при жизни посетил лишь однажды — в далеком 1806 г.⁴⁵

Приступая к новым служебным обязанностям, Улегов изначально предвзято отнесся к коллегам по главной Нижнетагильской заводской конторе. «Гг. прикащики по наружности на первый раз обошлись со мною весьма ласково и дружелюбно, каково же у них на сердце — о том, можно догадываться, — доносил он П.Н. Демидову уже 15 февраля 1829 г. (т.е. едва прибыв на место и не приступив к делам). — Последствие покажет их расположение и то, приятель или нет им порядок по делам, восстановление коего лежит

⁴¹ Письма Феоктиста Улегова. С. 501.

⁴² Там же. С. 504–505.

⁴³ О нем см.: *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале: XVII — начало XX века. Свердловск, 1981. С. 72.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 210. Л. 41, 46, 49.

⁴⁵ См.: *Гуськова Т.К.* Указ. соч. С. 31; *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 94.

теперь на моей ответственности»⁴⁶. «Заводские прикащики и директор покамест обходятся со мной не враждебно, а даже с видимою друбною. Конторские дела не успел еще я хорошенько обозреть, но по некоторым частям оных начинаю вводить порядок, коему гг. прикащики, по-видимому, не противятся [...], — развивал ту же тему в донесении от 6 марта из Перми. — Что будет далее, в каком виде по принятии найду конторские дела, и каковы будут успехи по введении конторского порядка, буду иметь щастие доносить Вашему Высокоблагородию по возвращении в заводы Ваши»⁴⁷.

Поступая по примеру своего прежнего покровителя Мосцепанова, Улегов дерзко шел на обострение отношений со служителями, характеризовал всех (за исключением Макарова) нелицеприятно: «Василий Густомесов только занимает место, почти ничего не делая. Шептаев⁴⁸, по известной Вашему Высокоблагородию ограниченности понятий и самонадеянности, больше говорит и спорит, нежели делает»⁴⁹ и т.п. «День Вашего сюда вождеденнейшего прибытия будет для меня днем неизъяснимой радости и сладостнейшего душевного удовольствия», — писал он⁵⁰. Служители, разумеется, также были небезгрешны и небезответны: прежний конторщик Василий Григорьевич Густомесов тянул с передачей дел, приказчики распрയാжались писцами и повытчиками через голову Улегова, а сам он вынужден был оставаться «в конторе только наместо картинки»⁵¹.

Между тем, Демидов внезапно отказался от намерения посетить уральские заводы, а недруги Улегова послали заводчику ответную жалобу. «Известие, что Ваше Высокоблагородие изволили отправиться из Петербурга в Париж, произвело в сердце моем глубокую грусть, ибо не удостоюсь уже ныне видеть лично Благодарительной Особы Вашей, что для меня было самым лестным ожиданием, — сокрушался Улегов в донесении Демидову от 25 октября 1829 г. И далее: «Не имея никакого себе защитника, кроме Благодарительнейшей Особы Вашей, я не удивлюсь, что стрелы зависти поражают так метко мою неопытность. Если б я не был уверен в истинно-отеческом ко мне благорасположении и глубокой пронизательности духа Вашего Высокоблагородия, всегда умеющих различить истину от натяжки, то бы, конечно, погрузился в бездну уныния и печальных ожиданий.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 244. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁸ Шептаев Федор Аврамович — приказчик, специалист медеплавильного производства и механик, крепостной, в 1832 г. получил вольную. О нем см.: *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале. С. 168.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 244. Л. 4–4 об. Письмо от 6 марта 1829 г.

⁵⁰ Цит. по: *Мосин А.* Указ. соч. С. 35.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 244. Л. 11 об.

Но, надеясь на алмазную твердость Вашего великодушия и Вашу любовь к справедливости, я не страшусь в рассуждении будущего и под мирною сению Вашего покровительства и защиты всегда надеюсь найти убежище, отраду и успокоение, зная, что скорее Сена обратит вверх свое течение, нежели ослабевут или изменятся искренняя моя преданность к Благодетельнейшей Особе Вашей и огненная ревность споспешествовать всегда и везде, где только можно выгодам Вашего Высокоблагородия»⁵².

Вопреки этим пышным словесам, будущность их автора вновь представляла в самом неопределенном и тревожном свете.

Но в феврале 1830 г. П.Н. Демидов дал указание прислать Улегова к нему для исполнения обязанностей секретаря⁵³. Отправившись в Италию, в марте Улегов оказался в Москве, где в том же году были изданы несколько небольших его книг. Сначала вышли переводы с французского духовно-нравственных повестей швейцарского пастора Сезара Малана «Валежская крестьянка» и «Герман Дроворуб». Переводы были встречены одобрительным откликом анонимного рецензента «Московского телеграфа», отметившего, что тут «в виде сказаний выражены многие нравственные истины, основанные на евангельском учении. Честь и благодарность г-ну переводчику, исполнившему свое дело очень хорошо!»⁵⁴ Эти похвалы, возможно, объясняются протекцией Нечаева, прежде нередко печатавшегося в «Московском телеграфе» и поддерживавшего тесные отношения с Н.А. Полевым. Позднее Улегов выпустил переводы еще двух повестей Малана: «Извозчик Лабранш» и «Отличные и честные мальчики».

Книга Улегова «Подарок другу на новый год, или Пук из семи цветов на именины, и Небольшой завтрак для голодного, состоящий из семи блюд с приправами» (М., 1830) содержала религиозно-этические размышления, изложенные в аллегорической форме, с ориентацией на французских моралистов Паскаля, Николя и особенно Фенелона (Улегов называет его «великим», «любезнейшим из христианских наставников и душой моей морали»). Рецензент писал в «Московском телеграфе», что тут, как и в повестях Малана, «изложены полезные истины, только уж слишком замысловато, так что в иных местах надобно угадывать мысль автора»⁵⁵. В «Северном Меркурии» же был помещен издевательский отклик: «Друзья не

⁵² Там же. Л. 16, 17–17 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Ед. хр. 114. Л. 25.

⁵⁴ Московский телеграф. 1830. № 8. С. 512.

⁵⁵ Московский телеграф. 1830. № 15. С. 388.

должны пренебрегать именинными подарками, как бы они ни были незначачи, которые делаются им по чувству искренней приязни, равно и голодный гость не осудит хозяина за небольшой завтрак, если только он в гостеприимстве руководствуется пословицею: *чем богат, тем и рад*. Но как в настоящем случае дело идет о печатном *Подарке другу* и о печатном же *Небольшом завтраке*, то есть о книжечках г. Улегова, то за *Подарок другу* мы, к сожалению, не можем отдарить автора лестным для него приветствием, а за *Небольшой завтрак* читатель не станешь пенять на него — если будет иметь в виду хороший обед»⁵⁶.

Следующая книга Улегова — брошюра «Гостинный двор российской словесности» (М., 1830) — привлекла к себе повышенное внимание. Она представляла собой памфлетное аллегорическое (в форме сна) изображение современной литературы, где в периодических изданиях «ядовитые насмешки, придирки, фейерверки заблуждения и легкомыслия», «смесь пустяков и скучных повторений», «пустые фразы, без сердечного огня и без умственной энергии, набор лжи и мечтаний, разнородные выходки надменности и самолюбия, бестолковые мысли» и т.д. (с. 10, 12, 13). В этом «гостинном дворе» есть «журнальная аптека» (то есть периодика) «для излечения людей от глупости, бездействия и разврата», но «доктора, пишущие рецепты, не знают хорошо своей науки и крайне ошибаются. Совсем не то прописывают, что обещают» (с. 7–8). В журнальной аптеке имеются бутылки «Сокровище литературы» («ядовитые насмешки, придирки, фейерверки заблуждения и легкомыслия, с их принадлежностями, под краскою приличия и притворной скромности», с. 10), «Магазин драгоценных правил хозяйственной экономии» («небывалые изобретения, всем известные секреты экономии, смесь пустяков и скучных повторений», с. 12), «Цветник нравственных и философических истин, полезных всякому полу и возрасту» («пустые фразы, без сердечного огня и без умственной энергии, набор лжи и мечтаний, разнородные выходки надменности и самолюбия, бестолковые мысли, сухие, нескладные правила жизни, ничему не учащие...», с. 13). В другой «торговой точке» — «Магазине русской истории» — на диване сидят Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой и любезно беседуют. При этом Карамзин защищает Полевого от нападков критики, обвиняющей его в самохвалстве, излишней гордости, недооценке заслуг Карамзина. В находящемся там же магазине «Философия под русским флагом» отечественных «философических изысканий» «почти вовсе и нет», поскольку «русские умы так ленивы на

⁵⁶ Северный Меркурий. 1830. № 121. 8 окт.

философическую неутомимость, что бояться и подумать о подобном предприятии» (с. 23). Ригористичный, унаследованный от старообрядчества подход Улегова к художественной литературе четко проявился в проводимом им противопоставлении порождаемых модой «любовных романов, соблазнительных стихотворений, незаконных элегий и прочих исчадий нечистого воображения», с одной стороны, и произведений, «полных чистой любви к истине» и «прямой христианской нравственности», с другой (с. 27, 29). Не в печати, а в частном письме Нечаеву Улегов был еще более резок: «...чем скорее будут умы учащихся образовываться в науках, тем удобнее они могут преклоняться ко злу и удачнее исполнять законопреступные прихоти развращенной природы, если заранее бдительное правительство не употребит всех возможных усилий к умягчению сердец ученических правилами христианского благочестия и не превратит божественные истины откровения, так сказать, в соки и кровь сих молодых отраслей человечества, от нравственности коих будет зависеть некогда участь целых семейств, целых обществ, а со временем и целой империи»⁵⁷.

Николай Полевой (которому, по-видимому, принадлежали и предыдущие отзывы в «Московском телеграфе»), сочувственно отозвался о книге Улегова, заметив, что «во многом, признаемся, мы вовсе не согласны с ним, но много замечено у него дельно»⁵⁸, но журнальные противники Полевого, воспринимая Улегова как его креатуру, обрушились на книгу с резкой критикой. Рецензент «Литературной газеты» (по-видимому, А. Дельви́г), находя в его книге «странность предметов и отсутствие вкуса в изобретении и изложении», отмечал, что Улегов «не знает приличия слов и выражений, и “Гостинный двор русской словесности” яснее всего высказывается в его вымыслах и слоге [...]. Если бы и в самом деле привиделся кому такой сумбур, то лучше бы его не пересказывать другим, чтоб не подумали, что сочинитель одержим бывает во сне бредом расстроенного воображения». О переводах рецензент отзывался не столь негативно, извиняя несовершенство слога «добрыми намерениями» и «нравственной целью» Улегова⁵⁹. Не приводя никаких примеров (как и рецензент «Литературной газеты»), автор анонимного отзыва в «Галатее» назвал брошюру Улегова «жалкой книжонкой», наполненной «нелепостями относительно языка и образа мыслей», и счел ее «святотатством в литературе и просвещении»⁶⁰ (см. там же анонимный

⁵⁷ Братское слово. 1893. № 15. С. 421. Письмо от 15 (27) ноября 1827 г.

⁵⁸ Московский телеграф. 1830. № 17. С. 111.

⁵⁹ Литературная газета. 1830. № 65. 17 нояб.

⁶⁰ Галатее. 1830. № 30. С. 366, 369.

отклик в рубрике «Известия и замечания», где «Гостинный двор...» с целью дискредитации автора был уравнен с лубочной продукцией, распространявшейся на Нижегородской ярмарке⁶¹). Аналогичным образом поступил И.В. Васильев, оценив «Гостинный двор...» как «карикатурное произведение» и «литературный мусор»⁶².

В том же году в Москве вышла книга «Два послания Выпивалина к водке и к бутылке. С прибавлением послания к г. Выпивалину. В стихах», в которой к двум анонимным воспевающим водку стихотворениям было прибавлено «Послание к г. Выпивалину» Улегова против винопития:

Слышал я, мой друг любезный!
 Ты настойку расхвалил.
 Вот уж подвиг бесполезный!
 Труд и время ты убил...
 Ты убил их и напрасно,
 Сей злодейке подарив,
 Ум и мысли, — ах, несчастной
 В этом зельи погубив.
 и т.д.

Рецензент «Северной пчелы», обильно цитируя два первых стихотворения и не упоминая о последнем, отрицательно оценил книгу как апологию пьянства⁶³. Поскольку первые два стихотворения были опубликованы без подписи, которая стояла только в конце книги, под стихотворением Улегова, и рецензент, и позднейшие библиографы ошибочно приписали Улегову всю книгу⁶⁴. Однако наряду с содержащимися в книге двумя посланиями (к водке и к бутылке) ранее, еще до приезда Улегова в Москву и начала его издательской деятельности, было выпущено анонимное «Послание Выпивалина к ерофеичу» (М., 1829)⁶⁵, что позволяет сделать вывод, что и другие послания «Выпивалина» не принадлежат Улегову.

В основном книги Улегова выходили после его отъезда из Москвы. 5 апреля 1830 г. Петербургская контора доносила П.Н. Демидову: «Вчерашнего дня явился сюда конторщик Ф. Улегов, которого

⁶¹ Галатея. 1830. № 29. С. 287.

⁶² В-ъ И-ъ [Васильев И.В.] [Рец. на: Гольберг. Оловящик-политик. М., 1830] // Северная пчела. 1830. № 123. 14 окт.

⁶³ В-ъ И-ъ [Васильев И.В.] [Рец. на: Улегов Ф. Два послания Выпивалина к водке и к бутылке. С прибавлением послания к г. Выпивалину. М., 1830] // Северная пчела. 1830. № 134. 8 нояб. См. также краткий отрицательный отклик Дельвига в «Литературной газете» (1830. № 60. 23 окт.).

⁶⁴ См.: Второе прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1832. С. 99; Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801–1975. М., 1992. Т. 5. С. 120.

⁶⁵ В каталоге Российской национальной библиотеки эта книга числится как произведение Улегова.

контора отправит к Вашему Высокоблагородию по вскрытии навигации через Любек на пароходе [...]»⁶⁶. Дальше след Улегова теряется, сведений о дальнейших его передвижениях найти не удалось. Однако в рапорте Московской конторы Демидовых от 10 января 1831 г. речь идет об отправленной в Нижнетагильский завод вдове Улегова. Из этого можно сделать вывод, что Улегов умер в 1830 г., скорее всего во второй половине года. Так неожиданно оборвалась жизнь этого литератора, выходца из крепостных, который выбрал путь не «поэта-самоучки», воспеваящего прелести крестьянской жизни (как Ф.Н. Слепушкин, М.Д. Суханов, Н.Г. Цыганов и др.), а критика современных нравов с религиозно-моралистических позиций.

Литература

Вацуро В.Э. Нечаев С.Д. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1999. С. 292–293.

Виргинский В.С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М.: Наука, 1986. 234 с.

Ганьжа С.В. Тагильская летопись XVI–XIX. Нижний Тагил, 2000. 172 с.

Глаголева О.Е. Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула: Приокское кн. изд-во, 1991. Т. 2. С. 337–342.

Грачева И.В. «Путь трудной чести и добра...»: Жизнь и творчество С.Д. Нечаева. Рязань: Узорочье, 2009. 56 с.

Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск: Челяб. Дом печати, 1995. 233 с.

[*Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г.*] Книги горного гнезда // Книги старого Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. С. 185–214.

Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале: XVII — начало XX века. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. 224 с.

Крастелев М. Архиепископ Иринарх (Попов): некоторые дополнения к биографическим сведениям // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 96–102.

Мезько-Оглоблин О. Люди Старої України та інші праці. Острог, Нью-Йорк: Українське Історичне Товариство, Острозька академія, 2000. 454 с.

Мосин А. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. Екатеринбург: Архитектон, 1997. Вып. 3. С. 10–98.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. 596 с.

Нечаев М.Г. Деятельность церковных библиотек на Урале в начале XX века как социокультурный феномен // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 109–118.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Ед. хр. 105. Л. 49.

Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядцы в XVIII веке // Демидовский временник: Исторический альманах. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. Кн. 1. С. 30–64.

Струнина М.Д. Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX века // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1962. № 187. С. 288–307.

Черноухов Э.А. Дело Е.А. Мосцепанова // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 244–248.

Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2011. 176 с.

Шкерин В.А. От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С.Д. Нечаев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 421 с.

References

Chernoukhov E.A. Delo E.A. Mostsepanova [E.A. Mostsepanov's case]. *Kultura Urala v XVI–XXI vv.: istoricheskii opyt i sovremennost'* [Culture of the Urals in the XVI–XXI centuries: historical experience and modernity]. Yekaterinburg, 2008, book 1, pp. 244–248. (In Russ.)

Chernoukhov E.A. *Sotsial'naiia infrastruktura Nizhnetagil'skogo gornozavodskogo okruga Demidovykh v XIX veke* [Social infrastructure of Demidovs' Nizhny Tagil mining district in the XIX century]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2011. 176 p. (In Russ.)

<Dashkevich L.A., Pirogova E.P., Pikhoya R.G.> *Knigi gornogo gnezda* [Books of the mountain nest]. *Knigi starogo Urala* [Books of the old Urals]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe Book Publ., 1989, pp. 185–214. (In Russ.)

Gan'zha S.V. *Tagil'skaia letopis' XVI–XIX* [The Tagil chronicle of the XVI–XIX]. Nizhnii Tagil, 2000. 172 p. (In Russ.)

Glagoleva O.E. Osnovatel' narodnykh uchilishch Stepan Dmitrievich Nechaev [The founder of public schools Stepan Dmitrievich Nechaev]. *Gordost' zemli Tul'skoi (Zamechatel'nye liudi nashego kraia)* [Pride of Tula land (Remarkable people of our region)]. Tula, Priokskoe Book Publ., 1991, vol. 2, pp. 337–342. (In Russ.)

Gracheva I.V. "Put' trudnoi chesti i dobra...": *Zhizn' i tvorchestvo S.D. Nechaeva* ["The way of difficult honor and goodness ...": Life and Work of S.D. Nechaev]. Riazan', Uzoroch'e Publ., 2009. 56 p. (In Russ.)

Gus'kova T.K. *Zavodskoe khoziaistvo Demidovykh v pervoi polovine XIX veka* [Demidovs' plant economy in the first half of the XIX century]. Cheliabinsk, Cheliabinsk Press House Publ., 1995. 233 p. (In Russ.)

Kozlov A.G. *Tvortsy nauki i tekhniki na Urale: XVII — nachalo XX veka* [Creators of science and technology in the Urals: XVII — the beginning of the XX century]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe Book Publ., 1981. 224 p. (In Russ.)

Krastelev M. Arkhiepiskop Irinarkh (Popov): nekotorye dopolneniia k biograficheskim svedeniim [Archbishop Irinarkh (Popov): some additions to biographical information]. *Cheliabinskii gumanitarii*, 2010, no. 2 (11), pp. 96–102. (In Russ.)

Mez'ko-Ogloblin O. *Liudi Staroi Ukraini ta inshi pratsi* [People of the Old Ukraine and other works]. Ostrog, New York, Ukrainian Historical Society Publ., Ostrog Academy Publ., 2000. 454 p.

Mosin A. Pavel Nikolaevich Demidov: portret v pervom priblizhenii [Pavel Nikolaevich Demidov: a portrait in the first approximation]. *Ural'skaia starina* [Ural antiquity]. Yekaterinburg, Arkhitekton Publ., 1997, issue 3, pp. 10–98. (In Russ.)

Nechaev M.G. Deiatel'nost' tserkovnykh bibliotek na Urale v nachale XX veka kak sotsio-kul'turnyi fenomen [Work of church libraries in the Urals at the beginning of the 20th century as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 11 (265), History, issue 50, pp. 109–118. (In Russ.)

Nekliudov E.G. *Ural'skie zavodchiki v pervoi polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniia* [Ural manufacturers in the first half of the XIX century: owners and ownerships]. Nizhny Tagil, State Social Pedagogical University Publ., 2004. 596 p. (In Russ.)

Pavlovskii N.G. Demidovy i staroobriadtsy v XVIII veke [Demidovs and Old Believers in the XVIII century]. *Demidovskii vremennik: Istoricheskii al'manakh* [Demidov studies: Historical almanac]. Yekaterinburg, Demidovskii Institute Publ., 1994, book 1, pp. 30–64. (In Russ.)

Shkerin V.A. *Ot tainogo obshchestva do Sviateishego Sinoda: Dekabrist S.D. Nechaev* [From the secret society to the Holy Synod: Decembrist S.D. Nechaev]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2005. 421 p. (In Russ.)

Strunina M.D. Iz istorii rabocheho dvizheniia na Urale v pervoi chetverti XIX veka [From the history of the Ural labor movement in the first quarter of the XIX century]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina*, 1962, no. 187, pp. 288–307. (In Russ.)

Vatsuro V.E. Nechaev S.D. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'. T. 4* [Russian writers 1800–1917. Biographical dictionary. Vol. 4]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., FIANIT Publ., 1999, pp. 292–293. (In Russ.)

Virginskii V.S. *Efim Alekseevich i Miron Efimovich Cherepanovy* [Efim Alexeevich and Miron Efimovich Cherepanovs]. Moscow, Nauka Publ, 1986. 234 p. (In Russ.)

Feoktist Ulegov, author of “The Guest Court of Russian Literature”

Abram I. Reitblat, Vladimir A. Shkerin

Abstract: The article introduces the biography and characterizes works of Feoktist Andreevich Ulegov (1803–1830), the former serf of Ural manufacturers Demidovs. His book “The Guest Court of Russian Literature” (1830), which contained a pamphlet allegorical (in the form of a dream) depiction of contemporary Russian journalism, literature, historical science and philosophy, aroused a noisy scandal and discussion in the press at the time.

Keywords: Russian literature of the first third of the XIX century, F.A. Ulegov, S.D. Nechaev, N.A. Polevoy, Demidovs, mining Urals.

Information about the authors:

Abram I. Reitblat, PhD, “New Literary Review” / Russian State Library of Arts, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Vladimir A. Shkerin, Doctor Hab., RAS Ural Branch Institute of History and Archeology, Yekaterinburg, Russia. E-mail: shkerin_uit@mail.ru

Citation: Reitblat Abram I., Shkerin Vladimir A. Feoktist Ulegov, author of “The Guest Court of Russian Literature”. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 112–129.